

ХРАНИТЕЛЬ ПУШКИНСКОГО СВЯТОГОРЬЯ

ДВА равно счастливых события, из тех, что остаются с тобой навсегда, выпали на мою долю двенадцать лет назад в солнечное июньское утро накануне пушкинского дня рождения. Впервые я вдохнул полной грудью очищающий озон михайловских дубрав и далей, увидел тихую Сороть, пруд под ивами, Савкину горку, дом поэта, темные ели на тригорских холмах и познакомился с Семеном Степановичем Гейченко, директором Государственного музея-заповедника А. С. Пушкина, или, как его все называют, хранителем пушкинского Святогорья.

Хранитель — сколь точно и обязывающе это слово, облегающее безграничным доверием того, кто имеет право и честь быть один на один с чем-то бесценным и вечным. Гейченко это право и честь заслужил бескорыстной любовью к поэту и подвижническим трудом во имя сохранения всего, с Пушкиным связанного и приумножения его славы.

Мы привыкли к несравненности Пушкина, к несопоставимости его с кем-либо, хотя сами — сознаемся в этом — идем к его пониманию от себя, через себя. Великие мгновения близости к поэту — зарницы очищения и правды.

Гейченко, на мой взгляд, один из немногих, если не единственный, кто в соединении научного и интуитивного начал приближается к ощущению Пушкина-человека. Даже если это не так, магия его увлеченности, его сопереживаний с поступками и чувствами Пушкина увлекает, как ничто другое. У Гейченко не бывает витиеватых и заумных объяснений, он идет от простоты, он говорит о поэте, как мы говорили бы об очень хорошо нам знакомом человеке.

Выше всего на свете Пушкин ценил истину дружбы. Однажды на полях книги князя П. Вяземского против слов «Главным свойством его сердца была его любовь к друзь-

ям...» он написал: «Любовь к друзьям — по-русски дружба, не свойство, а страсть разве».

Я позволяю себе определить главную страсть жизни Семена Степановича Гейченко одним словом — Пушкин, и страсть эта имеет право именоваться простым словом — «дружба».

Он дружит с Пушкиным, не исследуя и изучая его, а стремясь понять. Только друг может, отринув и тот факт, и этот, поставить себя на место друга и попытаться сказать его словами и мыслями.

Тот, кто когда-нибудь в Михайловском видел, как Гейченко ведет экскурсии, почувствовал, наверное, что поступки, мысли и ощущения Пушкина обретают новое, неожиданное измерение. Факт, реальное событие, зафиксированное в летописи пушкинской жизни, у Гейченко только отправная точка для того, чтобы задать вопрос: о чем думал в это время поэт? При мысли о Пушкине ты настраиваешься на высокое, недостижимое, а Гейченко спускает тебя с небес на землю. Он погружает тебя в пушкинский быт, говорит, когда Пушкин вставал и ложился, каких птиц любил слушать, как сидел в седле, из каких цветов составлял букеты, каких встреч и уединений искал, с кем был знаком и дружен из окрестных крестьян, в какие приметы верил, какими травами лечился.

Пушкин неслышно сходит с пьедестала, Пушкин растворяется во всем, что тебя окружает, ты в заговоре с ним, ты готов поверить, что если обернешься...

САМ себя Семен Степанович Гейченко с гордостью называет музейным работником. Однажды я записал его рассказ о себе, и в ответ на первый вопрос он долго молчал, а потом сказал: «Сам-то я по роду-племени, по специальности — музейный работник. Я работал в Эрмитаже, в Русском музее, в других музеях Ленинграда и почти пятнадцать лет

отдал Петергофу. Но различные обстоятельства заставили меня покинуть эти места, и мне предложили применить свои знания в литературном музее. Вот тут-то и началось мое знакомство с Пушкиным, хотя Пушкина я знал, любил, как все люди, потому что мы не представляем себе жизни без Пушкина, без его стихов».

Вспоминаю, что запись эта сделана в кабинете хранителя ровно десять лет назад, накануне его семидесятилетия. Была такая же снежная, набравшая силу в последние недели зима, была белизна нетронутого пространства природы, были гости, сидевшие в горнице, а мы, замороженные разговором о Пушкине, все никак не шли к праздничному столу, и Гейченко показывал папки, в которых хранились его заметки по поводу обстоятельств и судеб, связанных с Пушкиным.

Тогда он был автором одной книги — «У лукоморья». Книги удивительной, редчайшей. Не потому, что за пять лет она выдержала три издания, а потому, что, оказалось, пушкинистика — это не только круг привычных, всем известных имен и событий, а жизнь поэта в памяти людской. Память потомков, растревоженная гейченковскими любопытством и любознательностью, стала не менее ценным документом, чем подлинные манускрипты. Он не писал эту книгу, он собирал ее многие годы, долгие и трудные, она сама легла на бумагу в бесхитростно-простом, будто разговорном рассказе.

Помню, когда я с магнитофонной ленты перепечатал монолог Гейченко на машинку, я поразился литературной законченности и выверенности его рассказа. Он был напечатан с минимальной, «косметической» правкой в одном из еженедельников. Семен Степанович удивился этому обстоятельству — обычно в рассказах о Михайловском никто не ссылался на его авторство. Мы

еще раз однажды говорили об этом, по поводу некоторых замечаний его мыслей, ставших «легкой добычей» его слушателей. Понимая, что это так, он не выказал никакого раздражения. «Яко наг, яко благ, яко нет ничего» — любит повторять он.

За последние годы вышли две книги Гейченко — «Приют, сиянием муз одетый» и «Пушкиногорье» — альбомы, где фотографии, естественно, не его, но текст написал он такой пронзительной силы, что его тоже в пору считать документом пушкинской поры, то есть ее отражением в наших днях.

Я еще раз слушаю магнитофонную запись: «А после войны, когда я остался яко наг, яко благ, яко нет ничего, то мне рекомендовали: возьмитесь за такое большое дело, как восстановление заповедника, — литературоведу это не под силу, общему историку тоже, а вам, музейному работнику, будет яснее, как поступать».

ПАФОС юбилейной даты — вчера Семену Степановичу исполнилось восемьдесят лет — должен смениться, учитывая личность «восьмидесятника», какой-то простой, ему особенно присущей интонацией. Это так, но ему первому из «музейных работников», первому из хранителей присвоено высокое звание Героя Социалистического Труда. Одно не исключает другое. Пафос труда — смысл жизни Гейченко. И труд этот всегда был радостен ему — не ради себя, ради того дела, которому он посвятил себя. Поэтому и книги писателя Гейченко, а приняли его в Союз писателей по первой книге, начали издаваться тогда, когда он получил возможность хоть часть времени посвятить тому, что он накопил, отдавая все остальное, в том числе и то, что накопил, другим. Но осталось и для себя, для всех нас. Для Пушкина.

Когда мы увиделись впервые, у него было непреклонное выражение лица, русский, а может быть, седой, вихор, слетал на лоб, пустой рукав, как знамя, вздымался вверх. Это было пятое июня, накануне дня рождения Пушкина. Как писал поэт, «гости съезжались на дачу». Гейченко отличается от всех гостей тем, что, хотя так же, как они, любит Пушкина, он не приезжает, а живет здесь. Для него это откровение первый взгляд на Сороть, на гладь дальнего озера и вообще на все, что есть вокруг людей, ступающих сюда. Для него откровение — Пушкин.

Сорок лет без малого отдал хранитель для того, чтобы каждый шаг, который делает паломник по этой земле, был попыткой ступить по пушкинскому следу. Проскакать, пройти, промолчать, не решиться ступить, сказать то, что давно хотел сказать. Пушкин — это летопись поступков и взыскующий вопрос: а ты? Семен Степанович не требует немедленного ответа. Ищем мы его все вместе и каждый в отдельности.

Я ПОЗВОЛИЛ себе назвать Гейченко другом Пушкина. В то понятие, которое мы уже рассмотрели, не входят ни любовь, ни приятельство, ни что-либо другое.

Дружба-страсть. Не каждый из нас понимает в каждый момент жизни, что это означает. Вся жизнь Пушкина проходит перед взором того, кто в Михайловском постиг пушкинский вызов царям, собеседникам, товарищам.

Сорок лет Семен Степанович Гейченко на виду у всех, но у него были такие тихие минуты михайловского бытия, о многих из которых еще никто не знает. Не потому, что он нам не доверяет. Просто у хранителя свои обязанности. На все времени не хватает.

А на новый разговор с Пушкиным время есть!

Ал. АВДЕНКО.